

Красный Север
Вологда
5 авг 1970г

ВЕСЕЛО, ЯРКО, ТАЛАНТЛИВО

К началу гастролей Красноярского театра имени Ленинского комсомола

Хорошей, я бы сказал, редкостный и неожиданный спектакль привезли с собой сибиряки и открыли им гастролы в Вологде—«Фрол Скабеев»—русские потешные сцены.—Так гласит реклама, да реклама-то что? Рекламу у нас делать научились и еще какую! А вот спектакли...

Было время и, увы, не совсем оно еще и кончилось, когда злые деятели от искусства забывали и забывают, что пьеса, кинокартина или книга, кроме всего прочего, должны быть еще и интересными, т. е. должны с интересом смотреться и читаться. Вроде бы банальная из банальнейших истин, а вот, поди ж ты, сколько сил и времени требуется, чтобы ее доказать, и не десятки, а сотни нудных и скучных спектаклей прокатываются и бесследно куда-то исчезают. И ведь вот что интересно: авторы их не без благих намерений это делают, они озабочены прежде всего тем, чтобы их произведение было идейно, забывая или не зная, что буквальный перевод греческого слова идея означает—образ,—и докатываются в слепом рвении до того, что выпускают в балете человека в кирзовых сапогах изображать председателя колхоза. Это не анекдот, не предумка, такой спектакль был поставлен и не где-нибудь, а в Ленинградском театре имени Кирова!

В Красноярском театре, кстати, работают в большинстве своем люди, приехавшие из Ленинграда, и они, выросшие в одном из культурнейших и театральнейших городов России, наверное, не без боли вспоминают упомянутый выше, с позволения сказать, «балет», и, судя по всему, не только на ошибках старших учатся.

Уже одно то, что красноярцы откопали почти забытую, и совершенно напрасно забытую, пьесу Дмитрия Аверкьева и поставили ее, никого не повторяя и не копируя («Фрол Скабеев» нигде больше не идет), заслуживает самой высокой похвалы и одобрения. Эти «русские потешные сцены» так богаты по языку, характерам, краскам и выдумке, что сердце радуется за артистов, которым страсть какое наслаждение и играть-то в таком спектакле, озорничать и веселиться, и невольно с огорчением подумаешь: отчего же покинуто такое театральное диво, а вместо него идут пьески о бойких московских тещах, студентиках, преждевременно родивших дитя и не знающих, что с ним делать, да о глупом милиционере, свистящем от первого и до последнего акта?

Традиции, старые русские театральные традиции торжествуют в искрометном и талантливом спектакле сибиряков, в спектакле, настолько открытом и приближенном к зрителю, что порой сам себя чувствуешь участником его и готов пуститься в пляс с этим пестрым, беспшабашным, ярко и радостно размалеванным народом.

История о том, как бедный и ловкий парень Фрол Скабеев, на руках которого, между прочим, есть сестрица Варвара на выданье и отрок—братец Лаврушка, замыслил пробраться в терем дочки стольника Нардын-Нащеккина, чтобы обманом жениться и таким путем к казне и богатствам стольника царского приблизиться. История эта, «злодейски» замысленная, оборачивается такой трогательной, такой светлой стороной, что уж где-то смеяться начинаешь сквозь слезы. Аннушка, дочь царского стольника, с ходу влюбилась в непутевого Фролку, а «злодей» и «вор» Фролка в нее влюбился, но о том, чтобы быть им вместе или даже повидаться—ни боже мой, и речи быть не может. Аннушку палят няньки, мамка Акулиня Пахомовна, кстати, отлично сыгранная артисткой Топановой, строгий и важный отец Нардын-Нащеккин и молитесь-то разрешает ей только в своей церкви. Куда тут сулеться? Иссыхать бы от тоски любовной, кручины горькой молодым людям, да больно уж смекалист и ловок Фрол Скабеев—не без приключений, не без столкновений со знатью царской, он все дело обтыпал так, что воссоединился с любимой, да еще и прощение у вельможного тестя себе и Аннушке добыл, да еще, как бы мимоходом, не в лоб, не навязчиво, но точно в главную идею спектакля высказалась: «Где жаль (добро) живет, там люди сердцем близки.»

Пересказывать спектакль этот трудно, да и не нужно, его смотреть надо, как смотрим мы на улице праздник с песнями, плясками. И хотя потешные сцены Аверкьева из далекой старины пришли, все в них и, прежде всего, участники сцен: вышвохи, плясуны, потешники, на острое словцо гораздые, в драке удалые, в дружбе верные—такие нащепские, россияне, что уж и не чувствуешь никакого разделения во времени, а как бы живешь вместе с ними. И мне вот почему-то вспомнились даже строчки из одного давно читанного стихотворения: «А Русь в сирелевом дыму и плачет, и поет!»

Написанное мною—совсем не рецензия и не оценочная статья, а просто заметка зрителя, которому спектакль доставил удовольствие, а театр порадовал знакомством с ним. Вот почему я не хочу никому выдавать традиционных оценок, хвалить артистов, режиссера и художника. Спектакль хорош, значит, все хорошо, а вот если он плох—тогда ищут виноватого! Лишь несколько хороших слов, опять личного порядка, идущих от моего субъективного вкуса и восприятия: хотелось бы сказать об актерах вторых ролей, тех, кого обычно мало упоминают в обзорах и профессиональных статьях. Очень понравилась, и не мне одному, артистка Рсот в роли братца Лаврушки, хороша уже вышеупомянутая Топанова в роли безалаберной мамки, и так потешна, так естественна была Чурина в роли сепной девки Маврушки, а еще хорошо появлялся чертик в Лаврушкином сне—Юра Кадочников,—и так здорово слушал инящий (артист Ерия) воскресный благовест, плывущий над столбцей белокаменной. Вот уж воистину талант нужен, чтобы говорить на сцене, но еще больше таланта требуется, чтобы уметь молчать! А еще хорошо сыграли Варвару Скабееву артистка Журавлева и ее женишка Савушку Мычикова артист Головин...

Ну вот, и не хотел я заниматься перечислением, а все же повело—это от благодарного чувства, от радости, доставленной первым спектаклем красноярцев, и потому спасибо им всем, и добро пожаловать на добрую вологодскую землю, где умеют понимать и ценить русскую старину—веселое, острое слово и открытую душу.

Виктор АСТАФЬЕВ.